Исследовательская статья

DOI 10.69540/2949-3846.2026.72.50.008 **УДК 316.77:32.019.5**

КОГНИТИВНЫЕ ОПЕРАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОТИВОБОРСТВЕ: ТЕОРИЯ, ТЕХНОЛОГИИ, ПРАКТИКА

А.В. Манойло

Институт научной информации по общественным наукам Российской Академии Наук (ИНИОН РАН), Москва

А.А. Пономаренко

Московский государственный университет технологий и управления им. К.Г. Разумовского, Москва

Аннотация:

Рассматривается эволюция информационного противоборства от классической пропаганды к когнитивной войне — деятельности, целью которой является не убеждение в конкретной позиции, а разрушение самой способности отличать истину от лжи. На основе доктринальных документов NATO Allied Command Transformation и Virtual Manipulation Brief 2025 анализируется трехэтапная модель информационного удара (запуск, усиление, опровержение), роль искусственного интеллекта как инструмента масштабирования дезинформации и функции средств массовой информации в координации операций. Практическая часть посвящена анализу информационно-когнитивной операции, проведенной 19 ноября 2025 г., когда западные медиаорганизации синхронно опубликовали информацию о ложно атрибутируемом мирном плане на Украине, демонстрируя достижение всех четырех стратегических задач когнитивной войны в сжатые сроки: блокирование принятия решений, подрыв доверия к институтам, поляризация общества и эрозия воли к сопротивлению. Пример иллюстрирует эволюцию инструментария информационных операций до уровня высокоскоростных скоординированных ударов.

Ключевые слова: когнитивная война, информационные операции, дезинформация, стратегические коммуникации, искусственный интеллект, средства массовой информации, NATO StratCom COE

© А.В. Манойло, А.А. Пономаренко, 2026

Research article

COGNITIVE OPERATIONS IN MODERN INFORMATION CONFRONTATION: THEORY, TECHNOLOGIES, AND PRACTICE

A.V. Manoilo

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAS), Moscow

A.A. Ponomarenko

K.G. Razumovsky Moscow State University of Technologies and Management, Moscow

Abstract:

The article examines the evolution of information confrontation from classical propaganda to cognitive warfare — an activity aimed not at convincing of a particular position, but at destroying the ability to distinguish truth from falsehood. Based on doctrinal documents of NATO Allied Command Transformation and Virtual Manipulation Brief 2025, the article analyzes the three-stage model of information impact (launch, amplification, contradiction), the role of artificial intelligence as an instrument for scaling disinformation, and the functions of mass media in coordinating operations. The practical part is devoted to the analysis of the information and cognitive operation carried out on November 19, 2025, when Western media organizations simultaneously published information about an allegedly agreed peace plan for Ukraine, demonstrating the achievement of all four strategic tasks of cognitive warfare within a short timeframe: blocking decision-making, undermining trust in institutions, polarizing society, and eroding the will to resist. The example illustrates the evolution of information operations tools to the level of high-speed coordinated strikes.

Keywords: cognitive warfare, information operations, disinformation, strategic communications, artificial intelligence, mass media, NATO StratCom COE

Концепция когнитивной войны, сформулированная специалистами Командования НАТО по трансформации (NATO Allied Command Transformation), которое отвечает за перспективную модернизацию альянса, описывает деятельность по синхронизации различных инструментов власти для получения стратегического преимущества. Данная деятельность подразумевает воздействие на установки и поведение противника путем влияния на процессы индивидуального и группового

познания и их нарушение[160]. Данное определение фиксирует фундаментальный сдвиг в теории информационного противостояния. Основной формой реализации этого противоборства становятся когнитивные операции, направленные на дезорганизацию ментального пространства противника.

Если классическая информационная война ставила своей задачей убеждение аудитории в правильности одной позиции и ложности другой, то когнитивная война преследует иную стратегическую цель. Она направлена на разрушение самой человеческой способности различать истину и ложь. Вместо навязывания конкретной точки зрения операторы когнитивной войны стремятся создать состояние хаоса, когда противоречивые сообщения парализуют процесс принятия решений, а итогом становится тотальная дезориентация[161]. Это различие носит принципиальный характер, так как переносит фокус атаки со сферы мнений на рациональность как таковую.

Данная концепция развивает классические подходы к теории пропаганды и управления общественным мнением, представленные в работах Эдварда Бернейса и Уолтера Липпмана. Однако, в отличие от парадигмы «мягкой силы» или концепций медиафрейминга, когнитивная война здесь интерпретируется как механизм дезорганизации процессов мышления, а не как инструмент убеждения. Такой взгляд коррелирует с теорией рефлексивного управления В. Лефевра и исследованиями когнитивных искажений Дэниела Канемана, перенося их принципы в контекст современных высокотехнологичных конфликтов.

В документах НАТО выделяются 4 стратегические задачи ведения подобных действий. Первой задачей является блокирование принятия решений посредством нарушения цикла OODA (наблюдение, ориентация, решение, действие). В результате такого воздействия государственные структуры, военное командование и гражданское общество оказываются в состоянии паралича, когда невозможно адекватно оценить реальность и выбрать курс действий. Второй задачей выступает подрыв доверия к институтам, который достигается через систематическое создание противоречий в официальных заявлениях и культивацию скептицизма по отношению ко всем источникам информации. Третьей задачей становится поляризация общества и его фрагментация

[160] NATO Allied Command Transformation. Cognitive Warfare Concept. [Электронный ресурс]: https://www.act.nato.int/activities/cognitive-warfare/

[161] Cognitive Warfare. NATO Allied Command Transformation. Innovation Hub. 2020. [Электронный ресурс]: https://innovationhub-act.org/wp-content/uploads/2023/12/Cognitive-Warfare.pdf

на враждующие группы, что делает невозможным достижение общественного консенсуса. Четвертая задача заключается в эрозии воли к сопротивлению, что достигается не через убеждение в необходимости капитуляции, а посредством формирования ощущения бессмысленности любых активных действий[162].

Операции когнитивной войны реализуются в рамках подхода, который можно описать через трехэтапную модель информационного воздействия[163].

Исторически инструментарий влияния прошел путь от линейных моделей пропаганды XX в. к сложным сетевым операциям. Если на этапе информационных войн прошлого десятилетиями ключевым фактором успеха считался охват аудитории и доминирование в повестке, то современный этап характеризуется переходом к высокоскоростным скоординированным ударам. Приоритет в таких операциях смещается с качества контента на предельную синхронизацию источников. Когнитивная война опирается на принципы сетецентричных операций — сетевую архитектуру, синхронизацию действий, многодоменные эффекты, но смещает основной вектор воздействия с физических результатов на изменение когнитивных и поведенческих параметров целевой аудитории.

На этапе запуска авторитетный орган публикует заявление с ключевой информацией, часто ссылаясь на анонимные источники или официальных лиц. Подобные сообщения обычно имеют сильную эмоциональную окраску и резонируют со страхами аудитории. Здесь срабатывает эффект первичности, описанный Д. Канеманом, когда первая полученная информация формирует рамку восприятия для всех последующих сообщений[164].

На этапе усиления в течение нескольких часов (обычно 2—6) происходит скоординированное тиражирование вброса через сеть ведущих медиаорганизаций. Высокая синхронность публикаций практически исключает возможность проведения независимой журналистской проверки. Различные издания используют идентичные формулировки и взаимно цитируют друг друга, что создает иллюзию множественного подтверждения фактов. Каждое последующее СМИ добавляет новые детали, углубляя впечатление достоверности информации. Эффект насыщенности превращает сообщение в истину за счет многократного

[162] NATO Allied Command Transformation. Cognitive Warfare Concept (Newsletter). [Электронный ресурс]: https://www.act.nato.int/wp-content/uploads/2025/10/20251001_CogWar-Newsletter-October.pdf

[163] *Bernays E.L.* Crystallizing Public Opinion. New York, 1923. 218 p.

[164] *Kahneman D.* Thinking, Fast and Slow. New York, 2011. 499 p.

повторения, а лидеры мнений дополнительно усиливают первичный посыл своим авторитетом.

Этап опровержения наступает через несколько часов или дней, когда публикуется противоречащее утверждение от иного «надежного источника». Это действие порождает информационный шум, в котором истина становится неразличимой. У аудитории возникает когнитивный диссонанс и формируется экзистенциальный вывод о невозможности узнать правду. Эффект усталости от постоянной проверки информации завершает процесс, приводя общество в состояние апатии, которая и является промежуточной целью операции.

Рассмотрим применение данной теоретической базы на практическом примере: появлении 19 ноября 2025 г. информации о мирном плане на Украине. В этот день западные средства массовой информации синхронно опубликовали сведения о плане прекращения войны на Украине, позиционируемом как согласованный между США и Россией и состоящем из 28 пунктов. Ведущие издания, включая Axios[165], Reuters[166], Financial Times[167] и др., разместили материалы с идентичными ключевыми элементами. В публикациях содержались детали плана, имена участников переговоров в лице спецпредставителя Д. Трампа С. Уиткоффа и его российского коллеги Кирилла Дмитриева, даты их встречи в Майами, а также конкретные условия, включающие сокращение украинской армии, официальный статус русского языка на Украине и многое другое.

В течение 6-8 часов произошла скоординированная публикация во множестве авторитетных изданий. Взаимное цитирование создало иллюзию подтверждения фактов из разных источников, хотя каждое издание лишь вносило свои детали, углубляя впечатление достоверности. Психологический эффект был рассчитан на создание среди украинской аудитории ощущения предательства союзника (США), чувства неизбежности капитуляции и невозможности изменить ситуацию.

Опровержение последовало от российской стороны. Официальный представитель МИД РФ Мария Захарова заявила, что Россия не получала проект соглашения подобного уровня и контакты осуществля-

[165] US Secretly Drafting New Plan to End Ukraine War. November 19, 2025. [Электронный ресурс]: https://www.axios.com/2025/11/19/ukraine-peace-plan-trump-russia-witkoff

[166] White House working with Russia on new Ukraine peace plan, Axios reports. November 19, 2025. [Электронный ресурс]: https://www.reuters.com/world/white-house-working-with-russia-new-ukraine-peace-plan-axios-reports-2025-11-19/

[167] US and Russian officials draft new peace plan for Ukraine. [Электронный ресурс]: https://www.ft.com/content/23536bf6-c550-4896-931f-a33a1c2ad91a

лись исключительно по установленным дипломатическим каналам[168]. Пресс-секретарь президента Дмитрий Песков также подтвердил отсутствие планов контактов с американской делегацией[169].

Созданная ситуация породила масштабный информационный шум. Западные аналитики, такие как Эрин Банко, отмечали возникшее в Вашингтоне «массовое замешательство» и спекуляции относительно происхождения документа с мирным планом, вплоть до версий о его написании искусственным интеллектом или российскими спецслужбами[170]. В медийном пространстве возникли полярные интерпретации: от утверждений о том, что план является «списком пожеланий России»[171], до версий о сознательной «утечке информации» со стороны администрации Трампа для давления на Киев[172]. Невозможность верифицировать подлинность документа на фоне противоречивых заявлений официальных лиц (подтверждение источников Reuters против опровержений Кремля) создала ситуацию неопределенности[173]. Это привело к тому, что игнорирование темы стало невозможным, а обсуждение неизбежности уступок со стороны Украины доминировало в информационной повестке, несмотря на отсутствие официального статуса документа.

Проведенный анализ позволяет констатировать реализацию в этой ситуации всех ключевых элементов концепции когнитивной войны, описанных в доктринальных документах НАТО[174]. Блокирование принятия решений проявилось в разрыве управленческого цикла (OODA): российские структуры были вынуждены действовать в режиме неопределенности, не имея возможности верифицировать источник

[168] Официальное заявление МИД РФ. 19 ноября 2025 г. [Электронный ресурс]: https://tass.ru/politika/25671305

[169] Песков констатировал отсутствие новостей о переговорах с США по Украине. [Электронный ресурс]: https://www.interfax.ru/russia/1058778

[170] The Bulwark. Confusion Erupts Over Leaked Peace Plan. November 22, 2025. [Электронный ресурс]: https://www.youtube.com/watch?v=l8AOfYhIJNs

[171] TVP World. Peace plan or Russia's wishlist? Leaks explained. November 23, 2025. [Электронный ресурс]: https://www.youtube.com/watch?v=M_gHHmEOFd0

[172] US and Russian officials draft new peace plan based on capitulation from Ukraine. November 19, 2025. [Электронный ресурс]: https://www.theguardian.com/world/2025/nov/19/us-and-russian-officials-draft-new-peace-plan-based-on-capitulation-from-ukraine

[173] New US peace plan for Ukraine involves Kyiv ceding land, weapons: Reports. November 19, 2025. [Электронный ресурс]: https://www.aljazeera.com/news/2025/11/19/new-us-peace-plan-for-ukraine-involves-kyiv-ceding-land-weapons-reports

[174] NATO Allied Command Transformation. Cognitive Warfare Concept.

угрозы, а Украина и ее европейские союзники утратили координацию и единство подходов к реагированию, будучи дезориентированы противоречивым характером сигналов. Задача по подрыву доверия к институтам была реализована через внедрение нарратива о сепаратных переговорах, дискредитирующего единство западного альянса. Социальная поляризация, определяемая экспертами НАТО как критическая уязвимость демократий, затронула общества всех вовлеченных сторон, разделив их по отношению к вопросу о допустимости компромиссов. Наконец, эрозия воли к сопротивлению украинской стороны достигалась не прямой пропагандой капитуляции, а в полном соответствии с теорией — формированием ощущения бессмысленности активных действий на фоне неизбежного «сговора» великих держав. Информационное перенасыщение, которому подверглась аудитория, также способствовало эрозии воли к поиску истины, что является побочным, но эффективным результатом когнитивного воздействия.

Принципиальным отличием рассмотренной операции от классических информационных кампаний выступает темпоральный фактор: полный цикл воздействия сжат до 12—18 часов.

При детальном анализе рассмотренного примера исследователь неизбежно сталкивается с кажущимся противоречием относительно выбранных каналов распространения информации. Синхронный информационный залп 19 ноября был осуществлен преимущественно через издания, традиционно занимающие оппозиционную сторону по отношению к Дональду Трампу, такие как Axios, Financial Times, Reuters. Возникает закономерный вопрос о мотивации так называемых глобалистских медиа, задействованных в операции, которая фактически соответствовала интересам республиканской администрации США и принуждала Киев к невыгодному переговорному треку. Ответ кроется в специфической механике современных когнитивных операций, где средства массовой информации выступают как функциональные инструменты, а вовсе не в качестве идеологических союзников. Администрация Белого дома применила стратегию рефлексивного управления[175], используя ресурсы политических оппонентов. Утечки информации были сформированы с высокой степенью детализации и сенсационности, что не позволило редакциям проигнорировать инфоповод в силу законов медиарынка и конкурентной борьбы за эксклюзив.

Более того, выбор именно либерального пула СМИ стал решающим фактором верификации угрозы. Трансляция плана капитуляции через лояльные Трампу ресурсы могла быть воспринята в Киеве и Брюсселе исключительно как элемент политического давления республи-

[175] *Lefebvre V.A.* Algebra of Conscience. Dordrecht, 1982. 194 p.

канцев. Публикация же этих тезисов в Axios и Reuters придала им статус объективной неизбежности и институционального консенсуса американской элиты, что, по замыслу организаторов операции, должно было кратно усилить деморализующий эффект для украинского военно-политического руководства, находящегося в ослабленном состоянии.

Важно отметить, что когнитивная атака 19 ноября 2025 г. не являлась изолированным событием, а представляла собой кульминацию длительной многовекторной подготовки, начавшейся вскоре после инаугурации Д. Трампа. К середине 2025 г. в Вашингтоне сформировалось устойчивое понимание, что глава киевского режима В. Зеленский, опираясь на поддержку ряда европейских лидеров, намеренно саботирует любые переговорные усилия в расчете на инерцию конфликта[176]. Вероятно, для слома этой стратегии сопротивления была разработана комплексная архитектура давления, включавшая широкий спектр дипломатических и гибридных инструментов.

К началу активной фазы информационного воздействия оперативная обстановка характеризовалась критической нестабильностью, обусловленной конвергенцией нескольких кризисных факторов. Стратегия давления базировалась на эксплуатации внутренних уязвимостей Киева: интенсификация антикоррупционных расследований в отношении окружения Зеленского (в том числе «фактор Миндича») была синхронизирована с ужесточением внешней дипломатической риторики в адрес Украины. Данное сочетание способствовало ускоренной делегитимации правящей в стране группы и снижению ее субъектности в диалоге с западными партнерами. Дополнительным дестабилизирующим фактором выступила динамика на театре военных действий: утрата контроля над территориями на Донбассе и критический дефицит энергогенерации сформировали высокую восприимчивость целевой аудитории Украины к деморализующим нарративам.

В этом контексте кадровые решения Вашингтона, включая направление в регион спецпредставителей с репутацией жестких прагматиков (формат миссии Дрисколла), можно расценить как невербальный ультиматум и сигнал о смене парадигмы. Таким образом, распространение тезисов о «плане капитуляции» выполнило функцию триггера, актуализировавшего кризисный потенциал на фоне ресурсного дефицита и управленческой дезорганизации. Изолированная информационная атака могла быть нейтрализована штатными средствами контрпропаганды, однако в условиях синергии негативных факторов она обе-

[176] Trump accuses Zelensky of sabotaging US peace plan. April 23, 2025. [Электронный ресурс]: https://www.axios.com/2025/04/23/trump-attack-zelensky-response-ukraine-peace-plan

спечила кумулятивный эффект принуждения, нивелировать который без вступления в навязанный переговорный формат официальный Киев уже не имел возможности.

Важно понимать эволюцию методологии и роли в подобных операциях профильных организаций, таких как Центр передового опыта НАТО по стратегическим коммуникациям (NATO StratCom COE). Данная структура, созданная в 2014 г. и базирующаяся в Риге, функционирует как центр разработки и документирования методов когнитивной войны. В отчете «Virtual Manipulation Brief 2025» был проведен анализ более чем 11 млн постов[177] на различных платформах, причем значительная часть программного кода для исследования была сгенерирована искусственным интеллектом. Документ зафиксировал эволюцию методов информационного противостояния от нагнетания страха до создания ситуации запутанности и неопределенности[178].

Статистика отчета показала наличие признаков координации в почти 8 % всех взаимодействий. При этом используется двойственная терминология: операции противника именуются «манипуляцией», а собственные действия называются «стратегическими коммуникациями».

Развитие больших языковых моделей и мультимодальных систем генеративного искусственного интеллекта кардинально изменило масштабируемость таких операций. Современные технологии позволяют за считанные минуты создавать тысячи вариаций одного нарратива, автоматически адаптированных под различные сегменты социума. Искусственный интеллект способен анализировать психологические профили аудитории и генерировать персонализированные сообщения максимальной убедительности[179].

Значительную роль играет координированное неаутентичное поведение, когда автоматизированные сети ботов под управлением алгоритмов публикуют контент круглосуточно без участия человека. Согласно данным Центра передового опыта НАТО по стратегическим коммуникациям, в 2025 г. до 73 % каналов в информационных операциях составляли именно такие автоматизированные сети[180].

---

[177] NATO StratCom COE. Virtual Manipulation Brief 2025: From War and Fear to Confusion and Uncertainty. Riga, 2025. [Электронный ресурс]: https://stratcomcoe.org/publications/virtual-manipulation-brief-2025-from-war-and-fear-to-confusion-and-uncertainty/320

[178] NATO StratCom COE. Virtual Manipulation Brief 2025.

[179] OpenAI. Language Models are Few-Shot Learners (GPT-3 Technical Report). [Электронный ресурс]: https://arxiv.org/abs/2005.14165

[180] NATO StratCom COE. Virtual Manipulation Brief 2025.

Можно отметить качественное изменение роли технологий, назвав искусственный интеллект «ускорителем возможностей». Если в 2020 г. информационная операция требовала координации десятков людей, то к 2025 г. один оператор при помощи алгоритмов уже был способен генерировать сотни вариаций контента и управлять тысячами ботов на множестве платформ одновременно.

В рассматриваемой экосистеме медиаресурсы интегрированы в оперативный контур как инструменты верификации стратегических нарративов. Данные ресурсы обеспечивают легитимацию сценарных планов, трансформируя узкопрофильную аналитику, например, «продукт» мозговых центров, в формат доминирующего социально-политического консенсуса. Используя механизмы семантического фрейминга (подачи информации в определенном контексте) и перекрестного цитирования, пул лояльных изданий формирует эффект информационного каскада, при котором заданная интерпретация событий приобретает статус объективной реальности. Этот инструментарий позволяет искусственно модулировать темпоральные характеристики принятия решений: через создание эффекта кризисной неизбежности медиа-компонент операции принуждает политическое руководство оппонента к реактивным действиям в условиях суженного горизонта планирования.

Прогнозируемая эволюция когнитивного противоборства будет связана с переходом от разовых операций к непрерывным адаптивным кампаниям, управляемым автономными цифровыми агентами. Вероятна трансформация самой модели воздействия: вместо линейной трехэтапной схемы возникнет «роевая» структура микронарративов, персонализированных под индивидуальные психотипы пользователей. Это потребует от государств создания принципиально новых контуров когнитивной безопасности, способных работать в автоматическом режиме опережения, а не реагирования.

Таким образом, переход к когнитивным операциям знаменует качественный сдвиг в тактике и методах информационного противостояния. Трехэтапная модель в сочетании с искусственным интеллектом превратила дезинформирование в автоматизированный процесс, где СМИ стали интегрированными компонентами системы создания нарративов. Рассмотренный в статье пример подтверждает операционную эффективность когнитивной войны, которая измеряется достижением стратегических задач дезориентации аудитории, а не убеждением ее в достоверности информации. Исследование этих механизмов необходимо для своевременного выявления угроз и разработки мер защиты на уровне государственной коммуникационной политики.

Список литературы

1. Официальное заявление МИД РФ. 19 ноября 2025. [Электронный ресурс]: https://tass.ru/politika/25671305 (дата обращения: 20.11.2025).

2. Песков констатировал отсутствие новостей о переговорах с США по Украине. [Электронный ресурс]: https://www.interfax.ru/russia/1058778 (дата обращения: 05.02.2026).

3. *Bernays E.L.* Crystallizing Public Opinion. New York: «Boni and Liveright», 1923. 218 p.

4. *Kahneman D*. Thinking, Fast and Slow. New York: «Farrar, Straus and Giroux», 2011. 499 p.

5. *Lefebvre V.A.* Algebra of Conscience. Dordrecht: «Reidel», 1982. 194 p.

6. NATO Allied Command Transformation. Cognitive Warfare Concept (Newsletter). [Электронный ресурс]: https://www.act.nato.int/wp-content/uploads/2025/10/20251001_CogWar-Newsletter-October.pdf (дата обращения: 20.11.2025).

7. NATO Allied Command Transformation. Cognitive Warfare Concept. [Электронный ресурс]: https://www.act.nato.int/activities/cognitive-warfare/ (дата обращения: 20.11.2025).

8. NATO Allied Command Transformation. Innovation Hub. Cognitive Warfare. 2020. [Электронный ресурс]: https://innovationhub-act.org/wp-content/uploads/2023/12/Cognitive-Warfare.pdf (дата обращения: 20.11.2025).

9. New US peace plan for Ukraine involves Kyiv ceding land, weapons: Reports. November 19, 2025. [Электронный ресурс]: https://www.aljazeera.com/news/2025/11/19/new-us-peace-plan-for-ukraine-involves-kyiv-ceding-land-weapons-reports (дата обращения: 20.11.2025).

10. OpenAI. Language Models are Few-Shot Learners (GPT-3 Technical Report). [Электронный ресурс]: https://arxiv.org/abs/2005.14165 (дата обращения: 15.11.2025).

11. Trump accuses Zelensky of sabotaging US peace plan. April 23, 2025. [Электронный ресурс]: https://www.axios.com/2025/04/23/trump-attack-zelensky-response-ukraine-peace-plan (дата обращения: 20.11.2025).

12. US Secretly Drafting New Plan to End Ukraine War. November 19, 2025. [Электронный ресурс]: https://www.axios.com/2025/11/19/ukraine-peace-plan-trump-russia-witkoff (дата обращения: 20.11.2025).

13. US and Russian officials draft new peace plan based on capitulation from Ukraine. November 19, 2025. [Электронный ресурс]: https://www.theguardian.com/world/2025/nov/19/us-and-russian-officials-

draft-new-peace-plan-based-on-capitulation-from-ukraine (дата обращения: 05.02.2026).

14. US and Russian officials draft new peace plan for Ukraine. [Электронный ресурс]: https://www.ft.com/content/23536bf6-c550-4896-931f-a33a1c2ad91a (дата обращения: 05.02.2026).

15. Virtual Manipulation Brief 2025: From War and Fear to Confusion and Uncertainty. Riga, 2025. [Электронный ресурс]: https://stratcomcoe.org/publications/virtual-manipulation-brief-2025-from-war-and-fear-to-confusion-and-uncertainty/320 (дата обращения: 20.11.2025).

16. White House working with Russia on new Ukraine peace plan. Axios reports. November 19, 2025. [Электронный ресурс]: https://www.reuters.com/world/white-house-working-with-russia-new-ukraine-peace-plan-axios-reports-2025-11-19/ (дата обращения: 05.02.2026).

Сведения об авторах

Манойло Андрей Викторович, доктор политических наук, профессор, ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН, член Научного совета при Совете безопасности РФ (2011—2018), президент Ассоциации специалистов по информационным операциям. ORCID: 0000-0002-8142-9110. E-mail: *cyberhurricane@yandex.ru*

Пономаренко Андрей Алексеевич, ассистент кафедры журналистики и медиакоммуникаций МГУТУ им. К.Г. Разумовского, политический обозреватель, телеведущий. E-mail: *andrponomarenko123456789@mail.ru*

Information about the authors

Manoilo Andrey Viktorovich, Doctor of Political Sciences, Professor, Leading Research Fellow at the INION RAS, Member of the Scientific Council under the Security Council of the Russian Federation (2011—2018), Founder and President of the Association of Information Operations Specialists. ORCID: 0000-0002-8142-9110. E-mail: *cyberhurricane@yandex.ru*

Ponomarenko Andrey Alekseevich, Assistant Lecturer, Department of Journalism and Media Communications at the K.G. Razumovsky MSUTM, political observer, TV host. E-mail: *andrponomarenko123456789@mail.ru*

Статья поступила в редакцию 16.03.2026; одобрена после рецензирования 24.03.2026; принята к публикации 31.03.2026.